

Хмурое утро

*Лохматый с бородой встревоженной
Идет с похмелья погулять.
Джин-тоник на вчера помноженный
Заигрывает с ним опять.*

.....
*Чуть позже
К ним приходит женщина,
Чей возраст не определить.
И между мужиками
Трецина
Грозит компанию разлить.
И мат
Пещерной птицей кружится,
И улыбается дождем.
И сколько мужики не тужатся,
Уходит женщина
С вождем.*

Андрей Корвин. Москва.

Грустная элита

Уходит женщина
С вождем.
А вождь усат и страшен.
Он знает точно, что почем.
Но ей совсем не страшно.
И мат плывет над сенью дней.
Москва обматерела.
Глазами маленьких вождей
Глядит остекленело.
Компаний множество вокруг
Разбиты и разлиты,
Мы все, конечно, тоже пьём.
Мы грустная элита.

Еще фольклорный мотив

*Ты не радость-хворобушка.
Я у цели, да вот.
Все прошу недотрогушка,
Хоть один целовок.*

Евгений Евтушенко

Чмок

Подарю я тебе посошок
Только дай хоть один целовок.
Хорошо меня знают в Америке.
И читают, наверное, в Жмеринке.
А поэтому — дай целовок.
Чмок-чмок-чмок!

Первая женщина

*Любиночки — что за словечко...
На посиделках у крылечка
Шепнула ты: Смелее будь.
Зайди под кофту... Там, как печка,
И пригласила руку в грудь.*

Евгений Евтушенко

Ты пригласила

Ты пригласила руку в грудь,
А я прошу ещё побудь.
Побудь в штанах, побудь везде,
На радость утренней звезде.

Глядишь, я что-нибудь найду.
Погаснет печка — я уйду.

*Как танцевали мои зубы
По краю острого ковша,
Когда поверх овчинной шубы
Я ждал тебя, любить спеша.*

*И ты сказала отвернись,
А я совсем не отвернулся...*

Евгений Евтушенко

Танцевальные потуги

Как танцевали уши, губы
И зубы выбивали дробь,
Когда невидимые трубы
Гудели: не робей, не робь...

Ты приказала отвернуться.
Я отвернулся и пропал.
А танцевальные потуги
Сжѐг ожидания напалм.

*В истории бессвязность мнима,
Когда её перелистнешь.
Есть множество падений Рима
И Вавилонских башен тож.*

*Пизанской башней будь. Порадуй
Тем, что вот-вот, вот-вот, вот-вот.
Но все же, главное — не падай,
Вдруг интерес к тебе падет.*

Евгений Евтушенко

Пизанская башня

Когда заводишь с кем-то шашни,
Меня порадуй невзначай.
Будь естеством Пизанской башни.
Стройнее, чем Иванов чай.

Чтобы в веках скандальной шишкой
Торчал на зависть всем пупок,
Побудь сперва смиренной мышкой.
И славу обретешь, браток

ВЛАДИМИР СКИФ

Советы поэта Кобенкова

*...Что мне Пушкин, Лермонтов,
Некрасов,
читанные вдоль и поперѐк,
если никому из них ни разу
я своим советом не помог?*

*...там не хуже равнина собаки, коты и коровы
понимают на идиши и птички идиши поют...*

Анатолий Кобенков

Не родившись, я ещё в утробе
гукал, вырабатывая слог.
Это моё маленькое хобби —
внутренний утробный монолог.

Говорить с великими — услада:
— Эх ты, Пушкин!

Что тебе сказать?

Может посоветовать — как надо
«Памятник», допустим, написать?

Ну, а душка Лермонтов! Некрасов!
Фет, Есенин, Заболоцкий, Блок!
Сожалею, что — увы! — ни разу
фразу вам поправить не помог.

Поперек читая, обнаружил:
классика становится не той!
Чем я старше делаюсь, тем хуже
делаются Пушкин и Толстой.

А Белов, Распутин — пишут плохо.
Надо их забвеньем наказать.
Остальных —

от Пушкина до Блока —
на родной иврит переписать.

Драма с печенью

*Летит орёл на нашу печень —
Бывает птица палачом,
А нам её отвадить нечем...*

Виталий Науменко

Скажу, что хвататься мне нечем:
Я стал порядком «даунить».
Глаза расширились, как печень,
И я теряю мысли нить.

Летит орёл на печень, грифы!
Смотрю TV, а в сердце — дрожь!
Печёнку мне терзают Скифы...
Ну что с них, варваров, возьмёшь?

Пытаюсь на изломе суток
Себе спокойствие внушить.
А потеряется рассудок,
Чем буду думать и вершить?

Каким таким особым местом?
Я часто зрю его во сне...
И крою патриотов местных
За то, что печень съели мне.

Внутри меня сплошная драма!
Как буду я «глаголом жечь»?
Не стало печени ни грамма,
А лишь одна осталась желчь.

Душевные стихи

*Вынуть душу,
выполоскать в речке,
просушить на свежем ветерке...
Истомить бы душу в русской печке,
по старинке: кашей в чугунке...*

Наталья Крамаренко

Я недавно просто заболела,
Стала вялой, засыпаю вмиг:
Душу мне забрызгал ошалелый,
Мчавшийся по полю грузовик.

Грузовик уехал и доньше
Не вернулся искупить вино,
А душа, в какой-то грязной глине,
Потеряла цвет и новизну.

Вдалеке блестит речное русло,
Надо бы мне мыло отыскать,
Душу, что от глины заскорузла,
Надо постирать, прополоскать.

Думая про ласковую речку,
Я смогла себя растормошить.
Выстирала душу и на печку
Бросила, как тряпку, просушить.

Тут поесть — желание большое
Зазвенело, будто бы звонок.
Перепулав тряпки, я душою
Вытирала с кашей чугунок.